

ЛЮДИ

Он бы в блогеры пошел
Родители не хотят видеть своих детей политиками и шоуменами

БОЛЬШИНСТВО россиян в кошмарном сне не хотят видеть, чтобы их дети сделали карьеру в политике, стали шоуменами или работали менеджерами по продажам. Вывод сделан аналитиками MAXIMUM Education на основе опроса. Обои руками «за», если ребенок выучится на айтишника, врача, строителя или станет ученым. Одно условие: чтобы зарплата не меньше 100 тыс. Ну а сами опрошенные подростки мечтают стать блогерами.

Путь иноходца

Поэт Юрий Кублановский — о природе вдохновения и об одиночестве 90-х

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Роман Мерзляков, Волгоград

Поэт Юрий Кублановский провел первую после пандемии встречу с читателями. Для этого он приехал в Волгоград, где подарил областной библиотеке трехтомник, который назвал подведением итогов своего творчества. Вот наиболее интересные моменты из его выступления.

О реках

Несколько раз срывалась эта поездка. Я почувствовал в Волгограде редкую для волжских городов мощь, обычно они все-таки более провинциальные. Он же больше похож на столицу. Я родился в Рыбинске — там и Волга немного другая. Я волжанин, и почти все мои стихи, в которых упоминаются реки, — они о Волге. А сейчас мы с супругой живем на Оке. И частью моей поэзии стала Ока, она течет у меня по жилам.

Как начал писать

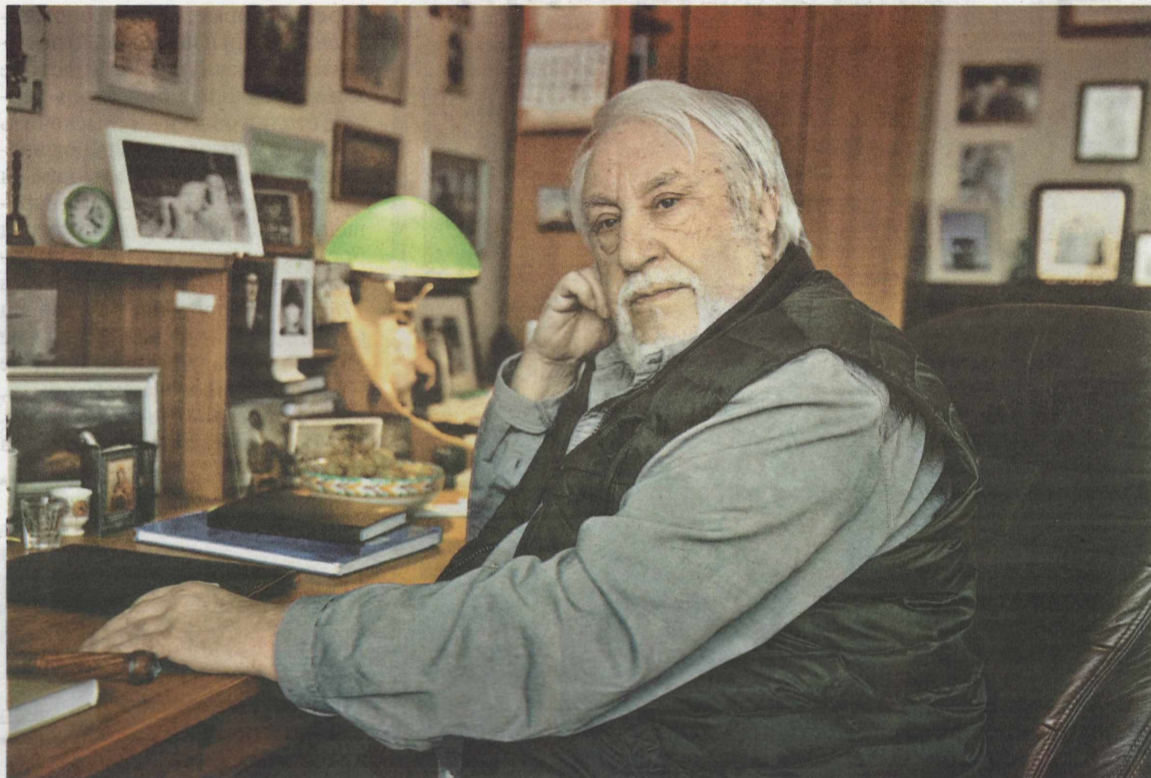
Стихи начал писать в 15 лет, хотя лет с 10 думал, что буду художником, до сотни акварелей за лето писал. Но пришли стихи. Месяц, два, пять не можешь двух слов сложить, а потом за неделю несколько стихотворений рождается. По молодости писал залпом, теперь гораздо дольше. И испытываешь не столько радость, сколько шестое чувство советского человека: чувство глубокого удовлетворения.

Духовные скитания

Я в гости зашел к друзьям-математикам и увидел на стене портрет бородатого мужчины. Это был философ Павел Флоренский, расстрелянный на Соловках. Впервые я услышал тогда это географическое название. А после МГУ решил поехать туда работать гидом. Мне открылся целый мир. На экскурсиях мне попадались дети эзков, сидевших там. Я уезжал из Москвы богемным эстетом, а вернулся с пониманием драматизма истории. Я стал относиться к стране с большей бережностью. Если бы не поехал туда, мог бы стать диссидентом с набором примитивных представлений.

Еще в студенческие годы я ездил подработать в Псково-Печерский монастырь. Это 1966 год. Нам платили сумму, равную стипендии. Инок Мартемьян попросил завезти просфору ясновидящей под Изборском. Я разыскал эту деревню, вошел в избу. Под окном на койке лежала женщина, никто не мог предупредить ее о моем приходе. А она сказала: «Здравствуй, Юрий». Эта история не давала мне покоя, потом она отразилась в стихотворении:

*Сам теперь я часто лежу, болея.
По другую сторону листопада,
если повидаемся, Пелагея,
вновь меня признаешь ли там
за брата?*

Откуда берется дарование? Мозги у всех устроены по-разному. Поэзия и музыка связаны с иррациональным. Я не могу понять природу вдохновения. Баратынский говорил, что поэзия — это задание, которое нужно выполнить как можно лучше. Задание свыше. Не надо понуждать вдохновение, вытаскивать акушерскими стихами мертвые строчки из небытия. Само придет, если надо. Без 10% вдохновения никакие 90% труда не позволят написать стихотворение. Эти 10% решают все.

Пишешь не для себя, а для народа. Если будет Россия, будет жива и моя поэзия. Но и при советской власти культура не переживала такого кризиса. Тогда поэтические сборники выходили огромными тиражами. А сетевая паракультура намного ниже по качеству. Поэзия становится другой, мне чужой. Но в России столько дарований, что в конце концов русская литература вырвет к своей значительности.

Русская литература еще вырвет к своей значительности

Об эмиграции

Россию мне предложили покинуть ночью на Лубянке. «Нового Гумилева мы из вас делать не будем», — сказали мне. В Нью-Йорке Иосиф Бродский выпустил мою первую книгу, когда я послал ему свой самиздатовский «гроссбух».

Русскую литературу Томас Манн называл святой. А при советской власти каждого литератора оценивали по оппозиционности самодержавию.

Работая на радио в Париже, я пытался показать другие, религиозные корни нашей словесности. Когда начались либеральные процессы, я приехал в Вермонт к Солженицыну и рассказал, что в Москве показали фильм невольничества Тарковского. Тогда я решил послать стихи в «Знамя», и меня опубликовали. Я перестал быть политическим эмигрантом, а был просто поэтом в изгнании. А поэт резонно жить одной жизнью с читателями, разделять судьбу Родины. Я посчитал своим долгом вернуться. В 1990 году приехал домой и больше 12 лет на Запад не выезжал. Всю «криминальную революцию» прожил на родине. А некоторые мои коллеги рванули туда и жили от одного гранта до другого.

Встречи с великими

Я четыре раза слушал, как Бродский декламирует стихи: дважды в России, в Париже и в Ам-

стердаме. Запомнился не смысл его стихов, а впечатление гула колокола. Это помогает потом чтению: вспоминаешь, как звучит стихотворение у автора.

Я был первым журналистом, который взял интервью у Андрея Тарковского в Париже. У него я больше люблю видеоряд, а не размышления героев, претендующие на глубокомыслие. Они вторичны, но поразительно сняты, остаются в памяти. Когда я брал у него интервью, он удивился, что я знаю Бердяева. Не знаю, с кем общался Тарковский, если человек, знающий Бердяева, был для него в новинку.

С Александром Меном я познакомился задолго до своего отъезда, я слышал о нем и сам отыскал его. Он был одним из тех, кто благословил меня на возвращение в Россию. Запомнился он как харизматичный пастырь, который очень много сделал для мирян. Это очень светлая, духовная личность.

О диссидентах

Я себя никогда не называл диссидентом. Я инакомыслящий! Иначе видел жизнь, чем мне предлагала советская идеология. Однажды шли мы с поэтессой Натальей Горбаневской, и я спросил, чего хочет диссидентство. Прежде всего сокращения России до размеров Московского царства — так был ответ. Я сначала подумал, что она шутит. Но это было сказано на полном серьезе. С такими диссидентами мне не по пути. Если бы они пришли к власти, через месяц началась бы резня и многие из них стали бы первыми жертвами. Так что я держался в стороне от этого движения.

Критики много писали про меня гадости в 90-е исключительно из идеологических соображений. Я не поддержал расстрел Бе-

Юрий Кублановский: Я не диссидент, я инакомыслящий.

лого дома. Я отходил от либералов, не молчал. А критики мне мстили несуразными придирками. Почти вся пресса взяла разнужданный тон по отношению к моей поэзии. Так одиноко, как в 90-е, я себя никогда не чувствовал.

О вдохновении

Писать оптимистические стихи гораздо сложнее. Но главное, чтобы не было чернухи, как в фильмах Звягинцева. Нужен катарсис. Я за то, чтобы все было в достойном художественном равновесии.

«Утром читаю сводки с фронта»

Я волнуюсь из-за того, что происходит. Утром читаю сводки с фронта. Я воспринимаю свое время как драматическое.

Когда жил там, на Западе, я понял, что это гибнущая цивилизация. Когда из общества уходит Бог, человек катится в бездну. А мы пока упираемся. Я причастился в храме на Мамаевом кургане — церковь была полна, хотя находится в не очень удобном месте. Полный храм — разве это не чудо? Это для меня залог, что Россия выдюжит. Но шапкозакидательством, как Владимир Соловьев на ТВ, не занимаюсь!

Ю. Кублановский, В. Алейников, Л. Губанов, А. Пахомов. 1965 год.

СПРАВКА. RG

Юрий Михайлович Кублановский родился в 1947 году в Ярославской области. Почетный гражданин родного Рыбинска. В 1970 году окончил отделение искусствоведения МГУ. Был в числе организаторов поэтической группы СМОГ (смелость, мысль, образ, глубина). Печатался в самиздате, например в знаменитом неподцензурном альманахе «Метрополь». В 1982 году вынужденно эмигрировал, жил в Париже и Мюнхене, работал в газете «Русская мысль» и на «Радио Свобода». В 1990 году вернулся. Женат на искусствоведке Наталье Поленовой — правнучке художника Василия Поленова.